УДК 330.338.4:378(470+571)
JEL H52, I2, O43

DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/1993-047X.12.2018.4.789-799>

А. А. ЖУК¹

¹ Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ЛОВУШКИ В СФЕРЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

Жук Александр Александрович, доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры экономической теории, Южный федеральный университет
Адрес: г. Ростов-на-Дону, ул. Максима Горького, 88, тел.: +7 (863) 250-59-57
E-mail: zhukaa@sfedu.ru
ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-5460-7711>
Researcher ID: <http://www.researcherid.com/rid/P-6800-2015>

Цель: тестирование сферы высшего образования на предмет наличия институциональных ловушек в условиях глубокой трансформации сферы высшего образования и науки в России, снижающих эффективность ее функционирования.

Методы: нарративный анализ, основанный на анализе поведенческих практик экономических агентов, выявленных в различных публикациях и представляющих прямую речь автора касательно очерченного круга научных и практических проблем, в рамках методологии институциональной экономической теории.

Результаты: проведен обзор теоретических подходов к трактовке феномена «институциональная ловушка», продемонстрировавший эволюцию данной категории от «эффекта блокировки» в англоязычной научной экономической литературе к устойчивому неэффективному институту в русскоязычном сегменте экономической теории. Выявлено, что одним из наиболее обсуждаемых вопросов является проблема неэффективной трансформации институтов, выявление ее причин. Систематизированы представления ученых о некоторых видах институциональных ловушек, присущих российской экономике.

На основе анализа нарративов проведено масштабное исследование поведенческих практик экономических агентов, в результате которого выявлены и классифицированы группы институциональных ловушек сферы высшего образования и науки Российской Федерации. Установлено, что несовершенство системы финансирования образования вызывает проблемы с обеспечением качества в системе оплаты труда, грантовой поддержке ученых. Разрозненность и противоречивость управленческих решений привела к превращению аспирантуры в ступень высшего образования, нарушению логики научных кадров. В качестве ловушки метрик определена системная установка на критерии оценки, рейтинга и иные количественные показатели, приводящая к замещению качества количеством. Установка на цифровизацию и информатизацию учебного процесса повлекла за собой превращение образования в механизм простой передачи информации.

Научная новизна: на основе проведенного глубокого нарративного анализа выявлены и описаны наиболее характерные группы институциональных ловушек, присущие российской сфере высшего образования и науки, такие как финансовые ловушки, ловушки администрирования, ловушки метрик, ловушки электронизации и цифровизации, а также системообразующая ловушка мотивации, базирующаяся на эффекте асимметрии институциональной мотивации рыночных агентов.

Практическая значимость: полученные результаты могут быть использованы для уточнения государственной политики в области высшего образования и науки в направлении устранения и превенции институциональных ловушек с целью повышения ее эффективности, а также при разработке различных программ развития данной сферы органами государственной власти.

Ключевые слова: экономика и управление народным хозяйством; высшее образование и наука; институты; институциональные ловушки; нарративы; нарративный анализ в экономике

Благодарность: статья подготовлена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, грант № 18-010-00581 «Институциональные ловушки оптимизации сферы образования и науки».

Конфликт интересов: автором не заявлен.

Как цитировать статью: Жук А. А. Институциональные ловушки в сфере высшего образования // Актуальные проблемы экономики и права. 2018. Т. 12, № 4. С. 789–799. DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/1993-047X.12.2018.4.789-799>

A. A. ZHUK¹

¹Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

INSTITUTIONAL TRAPS IN THE SPHERE OF HIGHER EDUCATION

Aleksandr A. Zhuk, Doctor of Economics, Associate Professor, Professor of the Department of Economic Theory, Southern Federal University

Address: 88 Maksim Gorkiy Str., Rostov-on-Don, tel.: +7 (863) 250-59-57

E-mail: zhukaa@sfsu.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-5460-7711>

Researcher ID: <http://www.researcherid.com/rid/P-6800-2015>

Objective: to test the sphere of higher education for the presence of institutional traps under deep transformation of higher education and science in Russia, which may reduce the efficiency of their functioning.

Methods: narrative analysis based on the analysis of behavioural practices of economic agents identified in various publications and presenting the author's direct speech in regard to certain scientific and practical problems within the framework of institutional economic theory methodology.

Results: theoretical approaches are reviewed to the interpretation of "institutional trap" phenomenon, which demonstrated the evolution of this category from the "blocking effect" in the English scientific economic literature to sustainable inefficient institution in the Russian segment of economic theory. It is revealed that one of the most discussed issues is inefficient transformation of institutions, and identification of its causes. Researchers' ideas about some types of institutional traps inherent in the Russian economy are systematized.

Based on the analysis of narratives, a large-scale study of behavioural practices of economic agents was carried out, as a result of which groups of institutional traps in the Russian higher education and science were identified and classified. It is established that the imperfection of the education financing causes problems in the system of labour remuneration and research grants. The fragmentation and inconsistency of managerial decisions led to the transformation of post-graduate course into a level of higher education, which violates the logic of scientific personnel training. A trap of metrics is the systemic orientation to assessment criteria, ranking and other quantitative indicators, leading to substitution of quality for quantity. Orientation to digitalization and informatization of the educational process has led to the transformation of education into a mechanism of mere information transfer.

Scientific novelty: based on the conducted deep narrative analysis, the most characteristic groups of institutional traps inherent in the Russian sphere of higher education and science are identified and described, such as financial traps, administrative traps, metric traps, informatization and digitalization traps, as well as the systemic motivational trap based on the effect of asymmetry of the institutional motivation of market agents.

Practical significance: the obtained results can be used to correct the state policy in the field of higher education and science in the direction of elimination and prevention of institutional traps in order to improve its efficiency, as well as in the development of various programs for the development of this sphere by public authorities.

Keywords: Economics and national economy management; Higher education and science; Institutions; Institutional traps; Narratives; Narrative analysis in economy

Acknowledgement: the work is performed with the financial support of the Russian Fund for Fundamental Research, project No. 18-010-00581 "Institutional traps of optimization of the sphere of education and science".

Conflict of Interest: No conflict of interest is declared by the author.

For citation: Zhuk A. A. Institutional traps in the sphere of higher education, *Actual Problems of Economics and Law*, 2018, vol. 12, No. 4, pp. 789–799 (in Russ.). DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/1993-047X.12.2018.4.789-799>

Введение

Исследования институциональных ловушек, появляющихся в условиях трансформации экономического уклада, как следствие проявляющихся в условиях непрерывных изменений социально-экономических

институтов, получив свой логический старт работой В. М. Полтеровича [1] в 1999 г., не теряют своей актуальности и научной привлекательности и в настоящее время. Уже более трех десятилетий экономическая система России претерпевает непрерывную модерни-

зацию в поисках более эффективных экономических институтов, которые релевантно реагируют на вызовы современной рыночной экономики. Очевидно, сферу высшего образования и науки в России подобная трансформация не обошла стороной, более того, данная сфера подвергается глубокой модернизации и на сегодняшний день представляет собой сферу, значительно отличающуюся по институциональной структуре от той, которая была представлена в доперестроечный период в СССР: вступительные испытания по ЕГЭ, трехуровневая система высшего образования (бакалавриат – магистратура – аспирантура, трансформированная из системы подготовки научных кадров в третий уровень высшего образования), зарождение частных вузов и платной формы образования в государственных, трансформация самих вузов и образовательных программ. Перечислять все изменения здесь нецелесообразно, их много. Наша цель в данном исследовании – предпринять попытку тестирования данной сферы на предмет появления институциональных ловушек, по возможности их классифицировать, попытаться обнаружить причины их появления и предложить меры по снижению их влияния на саму исследуемую сферу.

Л. Дэвис и Д. Норт в своей работе «Институциональные изменения и экономический рост в Америке» [2] определяют институциональную среду как «совокупность основополагающих политических, социальных и юридических правил, определяющих сферу экономической и политической деятельности субъектов экономики». Институциональная среда экономики, по мнению С. Г. Кирдиной, «состоит из ряда институциональных подсистем, представляющих собой единую институциональную систему, в частности, конституционные институты, политические институты, социальные институты, экономические институты» [3, 4]. Мы же, в свою очередь, «тракуем институциональную среду как совокупность всех возможных институтов, координирующих взаимодействие экономических субъектов при осуществлении ими любой экономической активности» [5, с. 120–126] и сконцентрируемся на исследовании экономических институтов, в частности, на первопричинах и результатах их изменений при модернизации сферы образования РФ.

Важным аспектом в исследовании трансформации институтов является трактовка причин, являющихся их катализаторами. В частности, Д. Норт [6, с. 6] полагает,

что они происходят революционным путем. А. Алчиан [7, с. 15–35] видит в изменениях обусловленные эволюцией процессы, осуществляемые под влиянием конкуренции. Такую позицию разделяет и Ф. фон Хайек [8, с. 304], трактуя изменения как социокультурную эволюцию под влиянием биологической. Академик В. М. Полтерович [9, с. 25] причиной трансформации институтов видит «насильственную трансплантацию эффективных институтов, которые не свойственны системе-реципиенту». А. Олейник [10] полагает, что «институциональные изменения проходят в режиме имплантации». Так или иначе, абсолютно очевидным фактом выступает непосредственное участие государства в процессе инициации и проведения институциональных трансформаций в силу возможности формализации тех или иных правил и практик, имеющих неоднородные качественные характеристики.

Кроме качественного анализа, институты и, как следствие, институциональные изменения оцениваются с позиции количественных характеристик, в ряду которых одним из основных стоит показатель эффективности институтов по числу транзакций, размерам транзакционных издержек и т. д. Подробно останавливаться на этом аспекте мы не будем в силу того, что данной проблематике посвящено большое количество публикаций в научной литературе и она достаточно глубоко разработана. Нас же интересует тот результат, который получается в ходе институциональных изменений, и экономические последствия, к которым они приводят.

Проблема эффективности экономических институтов как феномен институциональной среды формулировалась на заре зарождения и развития институционального направления в экономической теории. Так, Т. Веблен полагал, что «институты выступают результатом процессов, происходивших в прошлом, они приспособлены к обстоятельствам прошлого и, следовательно, не находятся в полном согласии с требованиями настоящего времени» [11, с. 201–202]. К. Менгер описывал формирование, становление и развитие институтов как стихийно протекающий процесс эволюции. Его наблюдения показали, что «множество людей в процессе активности по удовлетворению собственных потребностей обнаруживают, что определенные формы общественной координации облегчают достижение индивидуальных целей каждому конечному рыночному актору. Отбор таких форм происходит непреднамеренно, затем они

принимаются иными акторами и группами акторов, оценивших преимущества единой координации и ее результаты перед общей несогласованностью» [12, с. 17]. Теория институциональных изменений как эволюции институтов Ф. фон Хайека основана на гипотезе, гласящей, что «зарождение и развитие общественных институтов не может быть подчинено разуму, его мыслимым конструкциям, а плоды эволюции в принципе непредсказуемы. Эволюция как общественный процесс выступает лишь упорядочением неизвестного ранее, выбором необходимых наиболее эффективных практик, соответствующих долгосрочным целям кооперации индивидов» [8, 13].

Институциональные изменения: отбор рыночными акторами институтов, их эволюция, улучшение, «тонкая настройка» — должны проходить под знаменами улучшений, в частности, снижения транзакционных издержек, повышения интереса для акторов рынка (как для продавцов, так и для покупателей), инвестиционной привлекательности, т. е. так или иначе повышения эффективности функционирования самого рынка. Тем не менее зачастую на практике рынки сталкиваются с тем, что по разным причинам происходит ухудшающий отбор и в итоге трансформационных процессов институты эволюционируют в сторону сохранения менее эффективных норм и правил и потери, казалось бы, более эффективных. Почему же так происходит на практике?

Подобным вопросом начали задаваться ученые еще во второй половине прошлого века. П. Дэвид [14, с. 332–337] в 1985 г. описал интересную с экономической точки ситуацию, которая характеризовалась тем, что англоязычная раскладка символов клавиатуры на печатной машинке и позднее компьютерной клавиатуре QWERTY (верхняя буквенная строка слева направо) не обеспечивает максимальную скорость набора текстов, а следовательно, не обеспечивает максимальных показателей производительности труда машинисток. При этом существует целый ряд разработок, оптимизирующих расположение символов на клавиатуре и позволяющих значительно ускорить набор текстов, увеличить производительность труда и, как следствие, снизить затраты рыночных агентов. Тем не менее при том, что подобные разработки не остались без внимания, они не пользовались особой популярностью у широких масс пользователей компьютеров и печатных машинок. Связано это с тем, что пользователи просто привыкли уже к традиционной

раскладке, не хотели тратить время и силы на переучивание, а также не считали нужным нести дополнительные расходы собственно на замену клавиатуры.

Чуть позднее, в 1989 г., Б. Артур [15, с. 642–665], исследуя конкуренцию технологий, обнаружил, что в таком соревновании часто побеждают технологии, по факту не являющиеся наиболее оптимальными. Более того, если такая технология прижилась и получает распространение среди рыночных агентов, то ее применение, по сути, ограничивает распространение других технологий вне зависимости от их эффективности. Подобным образом на эволюционный отбор может влиять и череда исторических событий, а также традиции, культурные ценности, обычаи и любые другие особенности общества, в котором эволюционируют институты. То есть создается ситуация, в которой менее эффективные технологии блокируют развитие более эффективных. Авторы данных исследований применили термин *lock-in*, т. е. блокировки привычными распространенными, хоть и не самыми эффективными технологиями своих более эффективных конкурентов, описав эволюцию институтов в зависимости от предшествующей траектории развития (*path dependence*), что в русскоязычной традиции часто переводится как «эффект колеи». Не только рыночные агенты оказывают влияние на эволюцию институтов. Часто складывается ситуация, при которой «однажды принятое решение на государственном уровне трудно отменить» [16, с. 17–21].

Интерес к изучению феномена институциональных ловушек, что по сути является научным продолжением эффекта зависимости от предшествующей траектории развития, в отечественной науке можно датировать 1999 г., когда вышла статья В. М. Полтеровича «Институциональные ловушки и экономические реформы» [1]. В данной работе был представлен достаточно подробный свод механизмов и эффектов, которые лежат в основе институциональных ловушек, в частности, введен ряд экономических категорий, совершенно новых для отечественного научного мира.

По мнению А. В. Ковалева и И. В. Ковалевой, «институциональные ловушки представляют собой неэффективные, но устойчивые общественные институты, препятствующие нормальному течению того или иного социально-экономического процесса» [17, с. 80].

Формирование институциональных ловушек в отечественной научной экономической литературе объясняется дефицитом контроля государства над проте-

кающими социально-экономическими процессами, что же касается экономики переходного периода, то в такой ситуации заимствованные или импортированные институты часто несовместимы с традициями и культурными особенностями страны – получателя таких институтов.

Особенно важно, что «теория институциональных ловушек получает в настоящее время развитие применительно и к отраслевым исследованиям. В институциональную ловушку может попасть любой объект, который находится в активно реформируемом институциональном пространстве» [18, с. 27].

Таким образом, мы полагаем, что институциональная ловушка – это неэффективный институт, который устойчиво функционирует и становится общепринятой нормой для общества. Институциональную ловушку можно охарактеризовать:

- как неэффективно действующий институт;
- изменения институтов, норм;
- адаптационное поведение рыночных субъектов.

Резюмируя вышесказанное, можно утверждать, что институциональная ловушка представляет собой совокупность вышеперечисленных характеристик. Именно данные признаки формируют предпосылки появления и становления институциональных ловушек. Таким образом, институциональная ловушка – это неэффективный институт, который носит устойчивый характер, и вызвана она институциональными изменениями в обществе, вынуждающими рыночных агентов приспосабливаться к вновь создающимся социально-экономическим условиям.

В силу отсутствия единого понимания категории «институциональная ловушка» в отечественной научной экономической литературе можно встретить широкую вариацию социально-экономических феноменов, которые исследователи относят к данной категории.

В частности, Е. Ш. Гонтмахер к таковым относит «соблазн свести модернизацию лишь к некоему материально осязаемому и точечному проекту типа иннограда Сколково, ограничение модернизации только технологическим аспектом, а также втягивание интеллектуальной элиты страны в дискуссию, подвергающую сомнению перспективность таких базовых институтов современной европейской (а точнее – европоцентричной) цивилизации, как демократия и рыночная экономика» [19 с. 3–11].

А. С. Баскин отмечает ловушку инерционности – «инерционное развитие (с включением элементов

сценариев «рантье» и «мобилизации») – и полагает, что велика опасность глобального отставания от мировых технологических лидеров и окончательного превращения страны в сырьевой придаток развитых стран, а выход из этой ловушки будет практически невозможен» [20]. В его работе выявляются такие институциональные ловушки, как бюрократическая, инвестиционная, коррупционная, ловушка необразованности, бедности и богатства, а также ловушка инерционной ментальности.

М. Ю. Малкина полагает, что «институтам, способствующим инновационному развитию, противостоят институты, препятствующие инновационному развитию, и пока вторые оказываются сильнее» [21]. Автор дефинирует их как «институциональные ловушки инновационного развития» и выделяет следующие:

- ловушка рентоориентированного поведения;
- ловушка догоняющего развития и копирования;
- психологическая неготовность;
- нежелание бизнеса инвестировать в свое развитие;
- ловушки системы общественных финансов – выступающие единым комплексом проблем, связанных с невысокой эффективностью производства общественных благ в современной России;
- имитация инновационной деятельности.

И. В. Митрофанова и Ю. И. Сизов [22] трактуют институциональные ловушки как противоречия в действующем законодательстве, мы же [23, с. 132–139] рассматриваем налоговую ловушку как противоречия в писаном формальном праве и практиках его применения, демонстрируя указанный эффект на примере налоговой системы в целом и отдельных налогов в частности.

Результаты исследования

В рамках настоящего исследования для выявления тенденций, процессов и результатов реформ сферы образования нашей страны мы будем основываться на набирающем обороты подходе в экономической науке – анализе нарративов, представляющих собой поведенческие практики, изложенные акторами в прямой речи (в различных публичных выступлениях, интервью, а также зафиксированных в аудио-, видео- и бумажных записях и опубликованных в средствах массовой информации (далее – СМИ)). Мы считаем ценным, что исследование нарративов позволяет провести качественный анализ институтов, в частности, выявить, следуют ли акторы институтам

либо не следуют, а также определить причины такого поведения. Также акторы, излагая тот или иной нарратив, вскрывают те нормы и правила, которым они следуют, обозначают свое к ним отношение, демонстрируют результаты, к которым приходят в итоге. Также важным в данном аспекте выступает вскрытие социальных и культурных аспектов собственного поведения. Подробнее состояние развития современного нарративного анализа изучено В. В. Вольчиком и Е. В. Маслюковой [24, с. 150–168]. Источниками нарративов для нас будут выступать опубликованные в СМИ, социальных сетях истории, а также нарративы, полученные нами в ходе исследования.

Очевидно, что, ведя речь об институциональных ловушках, мы будем говорить об институтах, которые по разным причинам мотивируют акторов отказываться от следования самим себе. Также, выделяя те или иные институциональные ловушки, мы полагаем, что они являются элементами единой системы и лишь дополняют друг друга в институциональной среде.

Первая группа институциональных ловушек, которую мы можем охарактеризовать, – это **институциональные ловушки, так или иначе связанные с вопросами финансирования** в сфере высшего образования и науки. В первую очередь это касается заработных плат научно-педагогических работников. В частности, согласно исследованиям, проведенным межрегиональным профсоюзом «Университетская солидарность», их средняя заработная плата составила 113 %¹ от средней по стране, что заметно недотягивает до 200 %, которые были запланированы указами Президента РФ в 2012 г. Более того, даже этот невысокий показатель достигается с применением «ухищрений для выполнения требований Указа» [25], к которым, в частности, относят перевод сотрудников с полной ставки на неполную занятость, учет оплаты административных должностей как обычных преподавательских, а также параллельный значительный рост нагрузки, приводящий к оттоку преподавателей либо в ведущие вузы, либо из профессии в принципе.

Также рост заработных плат преподавателей при отсутствии роста объемов финансирования компенсиру-

ется сокращением количества ставок², другими словами, увеличение выплат одним преподавателям осуществляется за счет потери работы другими. Оставшиеся преподаватели вынуждены перераспределять нагрузку уволенных и проводить их занятия, а также вести проекты, выпускные квалификационные работы. То, что ранее преподаватели осуществляли за дополнительную оплату по форме внутреннего (дополнительные доли ставки в своем вузе, в рамках своей должности на кафедре) или внешнего (в другом вузе) совместительства, теперь по факту входит в объем работ по основной ставке.

Более того, в настоящее время в сфере образования и науки предполагается, что отдельные виды работ преподаватель должен выполнять и вовсе бесплатно. В частности, «Положение о совете по защите диссертаций...» [26, с. 9–18; 27] в п. 5 гласит, что «Члены диссертационного совета выполняют свои обязанности на общественных началах». Мало того, что подобная конструкция противоречит логике функционирования рынка труда в рыночной экономике, так еще и порождает коррупционную емкость при защите диссертаций, несмотря на тот факт, что это же положение в п. 7 прямо запрещает «...возмещение расходов, связанных с рассмотрением и защитой диссертации, за счет соискателей ученой степени...» Здесь же в системе присуждения ученых степеней продолжает существовать «диссертационная ловушка», которая подробно рассмотрена рядом авторов [28, с. 14], однако не теряет, а даже усиливает свою актуальность с момента трансформации аспирантуры в третью ступень высшего образования с необходимостью посещать занятия, сдавать привычные студентам сессии и дополнительно писать выпускную квалификационную работу. Все это ложится альтернативными издержками на соискателя, который при принятии решения на чашах весов видит возможность работать, достойно зарабатывать и иметь возможность содержать себя и семью или заниматься обучением в аспирантуре и исследованиями с туманными (в условиях наблюдаемых обучающимися вузов тенденций развития сферы высшего образования и науки) перспективами их дальнейшей работы.

² Об утверждении Положения о совете по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук: Приказ Минобрнауки России № 1093 от 10.11.2017 (Зарегистрировано в Минюсте России 05.12.2017 № 49121) (опубликован не был).

¹ Преподаватели недосчитались указанного // Коммерсантъ. 2018. 14 марта. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3570763> (дата обращения: 02.10.2018).

Важным современным инструментом финансирования научной деятельности выступает система грантовой поддержки различными институтами. Однако и она функционирует интересным образом. Для того чтобы выиграть грант на проведение исследований, необходимо подтвердить высокий статус сложившегося и признанного ученого, молодому же исследователю, лишь начинающему свой сложный, но интересный путь в науку, приходится первые шаги делать за свой счет [29, с. 121–133], рассчитывая лишь в будущем, заработав определенный научный авторитет, получать стороннее финансирование на собственные научные исследования.

Все вышеназванные элементы финансовой ловушки функционирования системы высшего образования и науки сказываются и на профессорско-преподавательском составе, и на качестве образования самих студентов, которые не только видят в аудиториях уставших преподавателей не отличающихся внешним лоском, но и в силу снижения социальной оценки деятельности представителей данной профессии сами все с меньшим и меньшим уважением относятся и к данной профессии, и к ее непосредственным представителям.

Считаем важным выделить целую группу **ловушек администрирования**. Они связаны с тем, что новые управленческие решения в рамках трансформации системы образования либо противоречат друг другу, либо противоречат здравому смыслу, либо часто отменяют друг друга, либо имеют одновременно несколько из перечисленных признаков³. В частности, попытка отказаться от кафедральной структуры в пользу департаментов на базе бывших факультетов, перевод сотрудников в подчинение факультета вместо кафедры и ее заведующего, затем возврат к старой кафедральной системе. Параллельно создание института руководителей основных образовательных программ (ООП) бакалавриата и магистратуры привело к тому, что на факультете (в любом структурном подразделении вуза) появляется масса руководителей: отдельно заведующие кафедрами, отдельно руководители ООП, все они подчиняются декану (руководителю структурного подразделения). В итоге все подчиняются всем, все отвечают за все – и никто ни за что.

³ Памятка начинающему преподавателю. URL: <https://habrahabr.ru/post/297412/> (дата обращения: 02.10.2018).

Перевод аспирантуры в статус третьего уровня высшего образования с отсутствием обязательства выпускника защищать диссертацию на соискание ученой степени кандидата наук привел к тому, что процедуры обучения в аспирантуре и подготовки и защиты кандидатской диссертации никак не связаны между собой, разве что кандидатскими экзаменами, сдача которых предусмотрена учебными планами. При этом содержание выпускной квалификационной работы аспиранта не коррелирует с содержанием диссертации. Более того, возникает вопрос, что дает диплом, который получает по факту обучения аспирант (а в настоящее время выпускник аспирантуры получает именно диплом): возможность работать преподавателем в вузе? Такую возможность обеспечивает и диплом магистра или специалиста. Работодателям коммерческого сектора, а также государственного и муниципального секторов такой диплом вообще непонятен. Отсутствие ученой степени ограничивает карьерный рост преподавателя вне зависимости от наличия у него диплома выпускника аспирантуры. Также интересно, что бланки дипломов выпускников аспирантуры не предполагают диплома с отличием (привычного всем красного диплома), абсолютно все бланки вне зависимости от оценок имеют привычный синий цвет, а выпускники-отличники первых выпусков получили себе в коллекцию диплом неожиданного цвета. Однако ответа на вопрос о причинах, по которым поощрение отличного обучения в аспирантуре не предусмотрено, не существует.

Интересным примером ловушки администрирования выступает необходимость базового образования по направлению для преподавания курсов в рамках его самого [30]. Доктор наук по специальности вынужден обучаться в магистратуре для получения права преподавать дисциплины в рамках своего же направления. Непросто найти логику в таком управленческом решении, а также обосновать его экономическую эффективность.

Достаточно спорным выглядит управленческое решение, позволяющее выпускникам разных направлений бакалавриата продолжать обучение в магистратуре по принципиально иному направлению, в частности, выпускники гуманитарных или естественно-научных направлений, обучающиеся в магистратуре по направлению «экономика», имеют колоссальные трудности в восприятии материала, так как не имеют базы для углубленного изучения сугубо экономических пред-

метов. Можно долго спорить о том, что обучающиеся в магистратуре должны большую часть материала постигать самостоятельно, что прочтение литературы позволит им самим разобраться в тонкостях изучаемого предмета – к сожалению, на практике так не происходит.

Высокая зарегулированность [31] деятельности научно-педагогических кадров ставит их в жесткие рамки, ограничивает возможности творчества, предопределяет механическую передачу материала студентам, в итоге снижающую качество образования.

Следующую группу институциональных ловушек, на которой мы бы хотели акцентировать внимание, выступает *ловушка метрик* [32, с. 158–179]. Очевидно, что сферой высшего образования и науки необходимо управлять так же, как и всеми остальными сферами экономики. Равно как не вызывает сомнения, что все происходящее должно контролироваться. С этой целью и разрабатываются многочисленные критерии оценки, различные рейтинги, проводятся опросы экспертов и множество других мероприятий. Однако целеориентация исключительно на количественные показатели приводит к тому, что количество замещает собой качество. Научно-педагогические работники вынуждены тиражировать научные статьи сомнительного содержания [33, 34], так как необходимо «набрать рейтинг», повышающий статус (путем, скажем, индекса цитирования и индекса Хирша) как самого исследователя, так и всего учреждения, а также предполагающий выплаты и надбавки к заработной плате стимулирующего характера. В ту же ловушку попадают не только преподаватели, но и студенты, которым количество публикаций и участия в различных конференциях дает возможность участвовать в стипендиальных программах, конкурсах, собирать такое модное и необходимое в настоящее время портфолио. Зачастую они даже не отдают себе отчет, что научная статья представляет итоговый результат кропотливого научного исследования, – статья для них лишь дополнительный балл в общей сумме, безликий и бессмысленный.

Результатом такой же ориентации на показатели выступает и открытие новых программ (ООП) с модными названиями, направленных на привлечение абитуриентов, но принципиально не меняющихся по содержанию, введение курсов на иностранных языках (что само по себе ведь очень неплохо – развивать дополнительные знания у студентов здорово, но одно дело, когда иностранные лекторы и преподаватели

ведут свои курсы на иностранном, вовлекаясь в международный научно-образовательный обмен, и другое, когда русскоязычные преподаватели читают курсы русскоязычным студентам на иностранных языках), массовое привлечение иностранных студентов в российские вузы и создание им особых условий для обучения без учета реального знания как языка обучения, так и базовых знаний в изучаемой области.

Ловушка электронизации и цифровизации выступает следующей выявленной нами в процессе исследования [35]⁴. Сложно оспорить тот факт, что цифровые технологии упрощают и ускоряют коммуникации, передачу данных, обеспечивают более широкий доступ к информации. Однако повсеместное смещение акцентов в пользу онлайн-курсов, видеолекций исключает из образовательного процесса непосредственный контакт преподавателя с обучающимся, лишает возможности задавать вопросы и получать на них ответы, а лишь обеспечивает стандартизированную передачу материала. Уже сейчас даже на традиционных лекциях мы применяем видеопроекторы и презентации. И уже сейчас студенты на лекциях озадачены в лучшем случае тем, чтобы успеть сфотографировать слайд в перерывах между своим электронным общением в смартфонах (если, конечно, лектор не согласится на милость передать сами презентации в электронном виде), уже в таком подходе большая часть информации на лекции остается студентами неусвоенной. Как же привлечь внимание студентов к электронной записанной видеолекции? Ее же можно посмотреть в любой момент. Она же всегда доступна. Она же всем доступна. Ответить однозначно на этот вопрос нам кажется преждевременным.

В результате данного исследования мы подходим к такой острой институциональной ловушке, поразившей систему высшего образования и науки, как *мотивационная ловушка*, функционирующая на базе эффекта мотивационной асимметрии [36, с. 36–41]. В каждом из рассмотренных выше видов институциональных ловушек мы можем проследить эффект, при котором формальные параметры мотивации рыночных субъектов будет искажены неформальными практиками и перенаправлены на иные преломленные цели.

⁴ Фактически будет ограничена свобода слова // Коммерсантъ. 2018. 11 октября. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3765968> (дата обращения: 02.10.2018).

Выводы

Институциональные ловушки как феномен оказывают негативное влияние на развитие любой отрасли. Не обходят стороной и такую социально значимую сферу, как российское высшее образование, а также сферу научных исследований. Финансовые ловушки искажают отбор преподавателей, мотивируют фальсифицировать результаты своей работы, постоянный дефицит средств подталкивает к переработкам, что в комплексе снижает качество работы, отношение к работе и в итоге ее эффективность. Ловушки администрирования и высокой бюрократизации искажают мотивацию в сторону повышения и завышения количественных показателей в ущерб качеству своей работы. Необходимость постоянного написания массы отчетных бумаг не оставляет возможности заниматься собственно исследовательской, научной и педагогической работой. И здесь стоит отметить, что современный подход к объединению в одном человеке функций исследователя, преподавателя и администратора в итоге не обеспечивает ему возможности реализоваться ни в одной из названных сфер. Ловушки наукометрии и рейтингов в итоге мотивируют наращивать количественные показатели всеми доступными способами, практически не оставляя возможности не участвовать в соревновании индексов самого разного толка. Ловушки же электронизации и цифровизации могут привести к полному исключению прямого живого общения между учителем и учеником, устранить непосредственный контакт и взгляд глаза в глаза, так необходимый при передаче знаний, свести все обучение к одностороннему контакту без возможности обратной связи.

Очевидно, что развитие техники, технологий, ускорение социально-экономических процессов являются

вызовом для образования как сферы, направленной на подготовку релевантных современным требованиям трудовых ресурсов. Очевидно, что в высшем образовании необходимо и важно применять современные технологии, бесспорно, что образование необходимо трансформировать в соответствии с вызовами протекающих социально-экономических процессов. С другой стороны, любые трансформации должны носить системный характер и быть направлены на повышение качества и релевантности образования, а не вводиться формально и бессистемно, искажая суть и цели образования.

Выявленные институциональные ловушки дают пищу для размышления, а главное, возможность впредь при проведении трансформаций систем и отраслей экономики избежать попадания в подобные. Что же касается обнаруженных в настоящем исследовании, то минимизировать их эффект представляется вполне возможным, реализуемым и достижимым. В частности, финансировать образование и науку целесообразно в таком объеме, чтобы профессорско-преподавательский состав чувствовал заинтересованность в своей работе, а не финансировался по остаточному принципу, а работа ученых, исследователей и преподавателей должна акцентироваться на исследованиях и транслировании знаний обучающимся, а не на подготовке массы вероятно необходимой документации, но не замещающей основные функции. Система должна мотивировать рыночных агентов к развитию и повышению качества. Выводы могут показаться до стыдного тривиальными, но, к сожалению, именно в таком разрезе функционирует современная российская сфера высшего образования и науки.

Список литературы

1. Полтерович В. М. Институциональные ловушки и экономические реформы // Экономика и математические методы. 1999. Т. 35. № 2. С. 3–20.
2. Davis L., North D. Institutional Change and American Economic Growth: a First Step Towards a Theory of Economic Innovation // Journal of Economic History. 1970. Vol. 30. № 1. Pp. 131–149. DOI: 10.1017/s0022050700078633
3. Кирдина С. Г. Институциональные матрицы и развитие России. М.: ТЕИС, 2000. 213 с.
4. Кирдина С. Г. X- и Y-экономики: институциональный анализ. М.: Наука, 2004. 256 с.
5. Жук А. А. Структурные и динамические аспекты нестабильности экономических институтов // Перспективы науки. 2010. № 3. С. 120–126.
6. Норт Д. Институциональные изменения: рамки анализа // Вопросы экономики. 1997. № 3. С. 6.
7. Alchian A. Economic Forces at Work Indianapolis, 1977. Pp. 15–35.
8. Хайек Ф. Пагубная самонадеянность. Ошибки социализма. М., 1992. 304 с.

9. Полтерович В. Трансплантация экономических институтов // Экономическая наука современной России. 2001. № 3. С. 25.
10. Олейник А. Институциональная экономика. М., 2002. 416 с.
11. Веблен Т. Теория праздного класса. М., 1984. 367 с.
12. Менгер К. Исследование о методах социальных наук и политической экономии в особенности. СПб., 1894. XXXIV, 284 с.
13. Hayek, F. A. The Constitution of Liberty. London: Routledge, 1993.
14. David P. A. Clio and the Economics of QWERTY // American Economic Review. 1985. № 75 (2). Pp. 332–337.
15. Brian A. W. Competing Technologies, Increasing Returns, and Lock-In by Historical Events // Economic Journal. 1989. Vol. 99, № 394. Pp. 116–131. DOI: 10.2307/2234208
16. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Начала, 1997. С. 17–21.
17. Ковалев А. В., Ковалева И. В. Проблема институциональных «ловушек» и теория институтов австрийской школы // Журнал международного права и международных отношений. 2008. № 2. URL: <http://www.evolutio.info/content/view/1409/235/> (дата обращения: 10.10.2018).
18. Цветкова Г. С. К вопросу о видах институциональных ловушек // Инновационные технологии управления и права. 2012. № 1–2 (2). С. 25–31.
19. Гонтмахер Е. Ш. Российская модернизация: институциональные ловушки и цивилизационные ориентиры // Мировая экономика и международные отношения. 2010. № 10. С. 3–11.
20. Баскин А. С. Стратегия модернизации и институциональные ловушки // Вестник Удмуртского университета. Серия: Экономика и право. 2009. № 1. С. 10–16.
21. Малкина М. Ю. Институциональные ловушки инновационного развития российской экономики // Journal of institutional studies (Журнал институциональных исследований). 2011. Т. 3. № 1. С. 50–60.
22. Митрофанова И. В., Сизов Ю. И. Институциональные ловушки Инвестиционного фонда РФ // Финансы и кредит. 2009. № 3 (339). С. 35–38.
23. Жук А. «Налоговая ловушка» развития предпринимательства в России // Вопросы экономики. 2012. № 2. С. 132–139.
24. Вольчик В. В., Маслюкова Е. В. Нарративы, идеи, институты // Terra Economicus. 2018. Т. 16. № 2. С. 150–168.
25. Афанасьева В. Как и зачем сокращают преподавателей в СГУ. URL: <http://www.vzsar.ru/blogs/3952> (дата обращения: 10.10.2018).
26. Балацкий Е. В. Диссертационная ловушка // Свободная мысль. 2005. Т. 21. № 2. С. 92–104.
27. Балацкий Е. В. «Диссертационная» ловушка в российской экономической науке // Вісник Житомирського державного технологічного університету. Серія: Економічні науки. 2006. № 1 (35). С. 9–18.
28. Калимуллин Т. Р. Российский рынок диссертационных услуг // Экономическая социология. 2005. Т. 6. № 4. С. 14.
29. Жук А. «Диссертационная ловушка» на пути к построению инновационной экономики // Вопросы экономики. 2011. № 9. С. 121–133.
30. Афанасьева В. Катастрофа российского образования. URL: <http://www.vzsar.ru/blogs/3775> (дата обращения: 10.10.2018).
31. Афанасьева В. Как из доктора стать магистром, быстро и недорого. URL: <http://www.vzsar.ru/blogs/3582> (дата обращения: 10.10.2018).
32. Вольчик В. В., Маслюкова Е. В. Ловушка метрик, или Почему недооценивается неявное знание в процессе регулирования сферы образования и науки // Journal of institutional studies (Журнал институциональных исследований). 2018. Т. 10. № 3. С. 158–179.
33. Афанасьева В. Научная ничтожность. URL: <http://www.vzsar.ru/blogs/3879> (дата обращения: 10.10.2018).
34. Фурсей Г. Распятые наука и образование в России. URL: <http://netreforme.org/news/raspyatyie-nauka-i-obrazovanie-rossii/#more-23621> (дата обращения: 10.10.2018).
35. Кулебякина Е. Риски цифровизации // Русский дом. 2018. № 9. URL: <http://www.russdom.ru/node/10801> (дата обращения: 10.10.2018).
36. Жук А. А. Асимметричность институциональной мотивации экономических субъектов // Экономика и управление: научно-практический журнал. 2010. № 6 (98). С. 36–41.

References

1. Polterovich V. M. Institutional traps and economic reforms, *Ekonomika i matematicheskie metody*, 1999, Vol. 35, No. 2, pp. 3–20 (in Russ.).
2. Davis L., North D. Institutional Change and American Economic Growth: a First Step Towards a Theory of Economic Innovation, *Journal of Economic History*, 1970, Vol. 30, No. 1, pp. 131–149. DOI: 10.1017/s0022050700078633
3. Kirdina S. G. *Institutional matrices and development of Russia*, Moscow, TEIS, 2000, 213 p. (in Russ.).
4. Kirdina S. G. *X- and Y-economies: institutional analysis*, Moscow, Nauka, 2004, 256 p. (in Russ.).

5. Zhuk A. A. Structural and dynamic aspects of instability of economic institutions, *Perspektivny nauki*, 2010, No. 3, pp. 120–126 (in Russ.).
6. Nort D. Institutional changes: frameworks of analysis, *Voprosy ekonomiki*, 1997, No. 3, p. 6 (in Russ.).
7. Alchian A. *Economic Forces at Work*. Indianapolis, 1977, Pp. 15–35.
8. Hayek F. *Fatal presumption. The mistakes of socialism*, Moscow, 1992, 304 p. (in Russ.).
9. Polterovich V. Transplantation of economic institutions, *Ekonomicheskaya nauka sovremennoi Rossii*, 2001, No. 3, p. 25 (in Russ.).
10. Oleinik A. *Institutional economy*, Moscow, 2002, 416 p. (in Russ.).
11. Veblen Th. *Theory of Leisure Class*, Moscow, 1984, 367 p. (in Russ.).
12. Menger K. *Investigations into the Method of the Social Sciences with Special Reference to Economics*, Saint Petersburg, 1894, XXXIV, 284 p. (in Russ.).
13. Hayek F. A. *The Constitution of Liberty*, London, Routledge, 1993.
14. David P. A. Clio and the Economics of QWERTY, *American Economic Review*, 1985, No. 75 (2), pp. 332–337.
15. Arthur W. Brian Competing Technologies, Increasing Returns, and Lock-In by Historical Events, *Economic Journal*, 1989, Vol. 99, № 394, pp. 116–131. DOI: 10.2307/2234208
16. North D. Institutions, Institutional Change and Economic Performance, Moscow, Nachala, 1997, pp. 17–21 (in Russ.).
17. Kovalev A. V., Kovaleva I. V. Issue of institutional “traps” and theory of institutions of Austrian school, *Zhurnal mezhdunarodnogo prava i mezhdunarodnykh otnoshenii*, 2008, No. 2 available at: <http://www.evolutio.info/content/view/1409/235/> (access date: 10.10.2018) (in Russ.).
18. Tsvetkova G. S. On the issue of types of institutional traps, *Innovatsionnye tekhnologii upravleniya i prava*, 2012, No. 1–2 (2), pp. 25–31 (in Russ.).
19. Gontmakher E. Sh. Russian modernization: institutional traps and civilizational guidelines, *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 2010, No. 10, pp. 3–11 (in Russ.).
20. Baskin A. S. Strategy of modernization and institutional traps, *Vestnik Udmurtskogo universiteta*, Ser. Ekonomika i pravo, 2009, No. 1, pp. 10–16 (in Russ.).
21. Malkina M. Yu. Institutional traps of innovative development of the Russian economy, *Journal of institutional studies (Zhurnal institutsional'nykh issledovaniy)*, 2011, Vol. 3, No. 1, pp. 50–60 (in Russ.).
22. Mitrofanova I. V., Sizov Yu. I. Institutional traps of the RF Investment Fund, *Finansy i kredit*, 2009, No. 3 (339), pp. 35–38 (in Russ.).
23. Zhuk A. “Taxation trap” of entrepreneurship development in Russia, *Voprosy ekonomiki*, 2012, No. 2, pp. 132–139 (in Russ.).
24. Vol'chik V. V., Maslyukova E. V. Narratives, ideas, institutions, *Terra Economicus*, 2018, Vol. 16, No. 2, pp. 150–168 (in Russ.).
25. Afanas'eva V. *How and why professors are fired at Saratov State University*, available at: <http://www.vzsar.ru/blogs/3952> (access date: 10.10.2018) (in Russ.).
26. Balatskii E. V. Dissertation trap, *Svobodnaya mysl'*, 2005, Vol. 21, No. 2, pp. 92–104 (in Russ.).
27. Balatskii E. V. “Dissertation” trap in the Russian Economic Science, *Visnik Zhitomirskogo derzhavnogo tekhnologichnogo universitetu*, Ser. Ekonomichni nauki, 2006, No. 1 (35), pp. 9–18 (in Russ.).
28. Kalimullin T. R. Russian market of dissertation services, *Ekonomicheskaya sotsiologiya*, 2005, Vol. 6, No. 4, p. 14 (in Russ.).
29. Zhuk A. “Dissertation trap” on the way to building innovative economy, *Voprosy ekonomiki*, 2011, No. 9, pp. 121–133 (in Russ.).
30. Afanas'eva V. *Catastrophe of the Russian education*, available at: <http://www.vzsar.ru/blogs/3775> (access date: 10.10.2018) (in Russ.).
31. Afanas'eva V. *How to turn into a Master student from a Doctor, quick and cheap*, available at: <http://www.vzsar.ru/blogs/3582> (access date: 10.10.2018) (in Russ.).
32. Volchik V. V., Maslyukova E. V. The Metrics Trap, or Why is Implicit Knowledge Underestimated when Regulation of Science and Education is Handled, *Journal of Institutional Studies*, 2018, Vol. 10, No. 3, pp. 158–179 (in Russ.). DOI: 10.17835/2076-6297.2018.10.3.158-179
33. Afanas'eva V. *Scientific nullity*, available at: <http://www.vzsar.ru/blogs/3879> (access date: 10.10.2018) (in Russ.).
34. Fursei G. *Crucified science and education in Russia*, available at: <http://netreforme.org/news/raspyatyie-nauka-i-obrazovanie-rossii/#more-23621> (access date: 10.10.2018) (in Russ.).
35. Kulebyakina E. Risks of digitalization, *Russkii dom*, 2018, No. 9, available at: <http://www.russdom.ru/node/10801> (access date: 10.10.2018) (in Russ.).
36. Zhuk A. A. Asymmetry of institutional motivation of economic subjects, *Ekonomika i upravlenie: nauchno-prakticheskii zhurnal*, 2010, No. 6 (98), pp. 36–41 (in Russ.).

Дата поступления / Received 08.10.2018

Дата принятия в печать / Accepted 20.11.2018

Дата онлайн-размещения / Available online 25.12.2018

© Жук А. А., 2018

© Zhuk A. A., 2018